

11 декабря 1978 г. г. Москва

ПРАВДА

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

РАЗГОВОР С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

С ИМЕНЕМ народного артиста СССР Ростислава Яновича Плятта связано немало славных страниц в истории советского театра и кино. 13 декабря на сцене Театра имени Моссовета будет идти пьеса английского драматурга Питера Устинова «На пути к вершине», где Р. Платт исполнит в день своего семидесятилетия главную роль — роль старого генерала, который вступил в многоплановый конфликт с буржуазным обществом. После недавнего показа этого спектакля на голубом экране почтовый ящик артиста «ломится» от писем зрителей: такое же большое количество откликов было только после того, как Р. Платт сыграл пастора в телевизионном фильме «Семнадцать мгновений весны». Первый вопрос к артисту взят из одного зрительского письма.

— О чем думает ваш герой в финале спектакля «На пути к вершине»?

— Интересный вопрос, потому что по существу он касается очень важной профессиональной актерской проблемы. Мой герой думает синхронно со мной, исполнителем, но думает мы о разном. Генерал сэр Мэллэли Фицбаттрес — о том, о чем говорит прямым текстом: о судьбе ребенка, в данную минуту покоящегося у него на руках. Здесь, собственно, как бы завершается тема роли. Генерал уже давно живет без всякой перспективы, без каких бы то ни было духовных опор. И сейчас, когда он произносит последние свои слова: «Что еще эти выдумают? И что с ними будет?», в его душе теплится надежда, ни на чем, впрочем, не основанная. Надежда на то, что вот этот новорожденный человек, может быть (может быть!), проживет в системе лжи и лицемерия не так лицемерно и лживо, как довелось жить ему. Артист же Платт,

обязанный делить со своим героем все его тревоги, горести и радости, одновременно лихорадочно думает: как бы эту «размышляющую» интонацию дать поактивнее: ведь конец спектакля?! Таким образом, задача у нас с генералом разная: он должен дать вопросительную ноту финалу, а я обязан поставить смысловую точку. В этой двойственности — одна из сложностей нашего дела.

— Существует ли зависимость между человеческими и профессиональными качествами актера?

— И да, и нет. Когда-то один режиссер сказал: Щукин в роли В. И. Ленина прекрасен, но его подражатели будут невыносимы. Этот прогноз не совсем подтвердился: история кино и театра знает и других интересных исполнителей. Но доля истины здесь вот такая. Кроме общей исполнительской сложности, в постижении образа вождя революции есть одно непеременимое условие: артист, дерзающий сыграть Владимира Ильича, должен обладать высокой духовностью и подлинной интеллигентностью. Такими качествами обладал Щукин, и в этом смысле он действительно непревзойден. Так что ответить односложно на этот вопрос не удастся.

— Что — с годами, с опытом — в вашей профессии становится легче, а что труднее? Переходит ли количество ролей в качество искусства?

— Легче преодолевать технические трудности. А все остальное — сложнее: растет чувство ответственности за содеянное. В вопросе чую не-

одобрение количеству. Понимаю: наш брат действительно по этой части «перебирает», тем паче, что кино и телевидение такую возможность предоставляют. Однако мало играть тоже опасно, можно дисквалифицироваться.

— Однажды, когда на сцену вышел король Клавдий в «Гамлете» (в одном гастрольном спектакле), вы, посмотрев на него, сказали: «Э! Такое я не уважаю. Этот артист только что таким же был сейчас за кулисами в буфете. Навару нет!». Расшифруйте, пожалуйста, что вы подразумеваете под словом «навар»? — Это все то, что актер принес на сцену (если принес), кроме, конечно, вещей обязательных: точного знания текста, осмысленного его произнесения и знания заданных мизансцен.

Одно из крупнейших впечатлений поры моей театральной юности — ранний Хмелев. Незадолго до премьеры пьесы «Дни Турбиных» во МХАТе я впервые увидел его в жизни. Мелькнула сутуловатая, тощая фигура средних размеров, в толстовке и неважных брюках; голова трепаная, курносаватый носик, глухая речь. И вот премьера. Хмелев — Алексей Турбин! Порохистое, выхолощенное лицо с точеным прямым носом, властный взгляд орлиных глаз, жесткий склад губ под безукоризненно подстриженными усами, четкая командирская манера речи, минимум жестов. Элегантная, статная фигура впаина в офицерский мундир — гвардейская косточка!

До сих пор преклоняюсь перед таким высоким профессионализмом и никогда не привыкну (да и не хочу привыкнуть) к сегодняшней манере быть всегда «самим собой» — и только. Тогда нет нашей профессии.

— Какие качества цените вы в своем партнере на сцене?

— Умение реагировать на меня сегодняшнего, а не выученного на прошлом спектакле. На профессиональном языке это называется импровизационность, то есть стремление актера избежать повторения. Это свойство — быть не механическим, а живым и на сотовом представлении старого спектакля — составная часть и таланта и профессионализма.

— В каких случаях вам неинтересно играть (или смотреть) роль?

— Точка зрения артиста бывает иногда корыстной. Можно себе представить пьесу, в целом слабую, но с одной хорошей ролью. Так вот тот актер, кому она достается, может не увидеть общих слабостей, или, если увидит, то подумает: ничего, роль «вывезет»! Отмщение придет позже, когда при агонии обреченного на снятие спектакля он поймет, что зря тратился. Играть или смотреть не интересно ту роль, с первых «тактов» которой ясно, к чему она приведет. Так же, как и всю пьесу с такими же признаками.

— Существует версия, будто некий кризис актерского дела связан с засильем режиссуры. Что вы думаете по этому по-

воду? Можете ли, например, вы работать без режиссера?

— Категорически — нет!!! Я начисто лишен качества, которым обладают некоторые актеры, в частности, неповторимая Фаина Раневская, — саморежиссуры. Хорошего режиссера «граблю» как могу, стараясь потом вернуть «награбленное» с процентами. Плохого, который ничего дать не может, прошу хоть отражать, «зеркалить», т. е. подсказывать как бы со стороны — это может каждый. Вопрос — кто будет ставить? — для меня иногда важнее роли: хорошую роль с плохим режиссером можно и погубить, плохую роль с хорошим режиссером, в редких, правда, случаях, все-таки можно довести до кондиции.

— Встречались ли в вашей практике случаи, когда критик (рецензент) подметил в вашей работе то, что не заметили вы, и сказал о вас то, что вам помогло в дальнейшем?

— Был случай уникальный. В 1944 году наш театр подготовил чеховскую программу из ранних вещей писателя — я был занят в инсценированном рассказе Чехова «Тапер». Это в сущности полудрагический монолог героя, перебиваемый несколькими репликами партнера. Отыграв премьеру «Тапера», обнаружил у себя в гримерной Г. Н. Бояджиева, который сказал мне лестные слова и добавил, что обязательно будет смотреть второй раз. Он позвонил мне по этому поводу спустя немало времени, когда спектакль временно не шел. Тогда Г. Н. Бояд-

жиев спросил, не можем ли мы сыграть «Тапера» для него одного, хотя бы в репетиционном зале. Мне это и польстило и тронуло меня, так как работу эту очень любил. Я согласовал ситуацию с дирекцией, и вот в зашторенном от солнца репетиционном зале, в декорациях, костюмах и гриме мы с партнером В. Ф. Гордеевым сыграли «Тапера» единственному зрителю. А вскоре появилась его рецензия, подробная и взволнованная. Через десять лет, в 1954 году, когда опять к чеховской дате возобновляли «Тапера», я восстанавливал роль по... рецензии Бояджиева, — так интересно описал он душевные движения моего героя. Больше того, даже кое-что из того, что лишь показалось ему, я реализовал. Вот такая кровная заинтересованность критика в том, чтобы отразить нечто ему понравившееся или разгромить нечто ему не понравившееся, могла бы, думается, стать эталоном отношения между театром и критикой. Сейчас же у нас многовато описательных и комплиментарных рецензий.

— Чему вы завидуете — в жизни, в искусстве?

— Театральные люди, на мой взгляд, не умеют делить свое бытие на «жизнь» и «искусство». В этом отношении я — не исключение. Завидую? Тем, кто родился хоть чуть-чуть раньше меня. Кому по-настоящему повезло, к примеру, услышать Шаляпина, увидеть Комиссаржевскую, Ермолову... Чем больше мы сумеем сберечь из прошлого нашей великой отечественной культуры, тем богаче мы будем в будущем. Как бы так работать, чтобы каждый из нас нес в себе великую связь времен... Это — тоже одна из прекрасных миссий искусства, в том числе и актерского.

Беседу вел
Г. КОЖУХОВА.